

FAN, TA'LIM VA AMALIYOT INTEGRATSIYASI

ISSN: 2181-1776

Сапарова Замира

*Преподаватель, кафедры русского языка и методике его преподавания
Джизакский государственный педагогический институт*

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ИМЕЮЩИХ В СОСТАВЕ ЭТНОНИМЫ, В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

В данной статье анализируются идиоматические выражения (фразеологизмы), в состав которых в качестве опорного смыслового компонента входят топонимы (наименования географических объектов) и этнонимы (названия национальностей). Автором исследуются основные закономерности формирования таких выражений и выявляются их структурные особенности. Проводится межязыковой сравнительный анализ идиоматических выражений методом сопоставления их содержания и формы. Материалом для анализа послужил фразеологический фонд основных европейских языков, в первую очередь французского, английского и немецкого. В эпоху усиливающихся процессов глобализации географические границы между странами становятся понятием все более условным, как сегодня принято говорить, виртуальным. Вместе с тем существование границ другого рода, границ этнических, границ, надежно закрепленных в сознании и в культуре носителей национальных языков, продолжает оставаться неоспоримой реальностью. Наличие таких межкультурных границ обусловлено самим фактом сохранения национальных языков, сохранением специфических различий национальных менталитетов, уникальных и неповторимых языковых картин мира. В лингвистике выражения, подобные приведенным выше, относятся к категории идиоматических. Идиоматические выражения, или, другими словами, фразеологизмы, определяются как устойчивые словосочетания с самостоятельной семантикой. Главнейшей их особенностью является невозможность расчленения целого на составные части, так как значение фразеологизма не выводится из значения входящих в его состав слов. В

данной статье автор сосредоточил свое внимание лишь на тех идиоматических выражениях, в состав которых входят этнонимы (наименования национальностей) и топонимы (наименования географических объектов).

Ключевые слова: идиоматические выражения; фразеологизмы; идиомы; топонимы; этнонимы; ойконимы; хоронимы; урбанонимы; европейские языки.

В эпоху усиливающихся процессов глобализации географические границы между странами становятся понятием все более условным, как сегодня принято говорить, виртуальным. Вместе с тем существование границ другого рода, границ этнических, границ, надежно закрепленных в сознании и в культуре носителей национальных языков, продолжает оставаться неоспоримой реальностью. Наличие таких межкультурных границ обусловлено самим фактом сохранения национальных языков, сохранением специфических различий национальных менталитетов, уникальных и неповторимых языковых картин мира [2].

Да, конечно, существует и некий общекультурный пласт, сформировавшийся на протяжении многовековой истории сосуществования национальных языков и культур в пределах общего и изначально достаточно узкого географического пространства. Да, всем и каждому будет понятна, к примеру, поговорка «Все дороги ведут в Рим» (*Tous les chemins mènent à Rome*, франц.), получившая широкое распространение практически во всех европейских языках благодаря французскому баснописцу Жану де Лафонтену (1621–1695), после появления и перевода на другие языки его басни «Третейский судья, брат милосердия и пустынный».¹ Однако, и именно об этом пойдет речь в этой статье, в каждом языке существуют фразеологизмы (идиоматические обороты) и другого рода – выражения, присущие лишь данному конкретному языку и непонятные пословно носителям других языков. К примеру, только французы «знают», что выражение «Поезжайте в гости к грекам» (*Allez vous faire voir chez les Grecs*) является вовсе не приглашением посетить родину Олимпийских игр, а достаточно жестко сформулированным требованием избавить компанию от своего присутствия (что-то вроде русского пожелания «сходить в баню»)². Недостаточно хорошо знающие испанский язык вряд ли догадаются, что именно представляют собой испанцы, «изображающие шведов» (*hacerse el sueco*, исп., притворяться неосведомленным), а не владеющие в полной мере румынским языком вряд ли поймут, чем же конкретно занимается человек, «укрававший курительную трубку у немца» (*a fura luleana neamțului*, рум., пьянствовать). Не совсем понятно для того, кто не знаком с историей англо-голландских отношений, будет и то, чем же так

«насолили» британцам жители Нидерландов, если о человеке, болтающем всякую ерунду, англичане скажут, что он говорит «на двойном голландском» (*double Dutch*), а любителя давать советы тогда, когда его об этом не просят, назовут «голландским дядюшкой» (*Dutch Uncle*).³

В лингвистике выражения, подобные приведенным выше, относятся к категории идиоматических. Идиоматические выражения, или, другими словами, фразеологизмы, определяются как устойчивые словосочетания с самостоятельной семантикой [4]. Главнейшей их особенностью является невозможность расчленения целого на составные части, так как значение фразеологизма не выводится из значения входящих

в его состав слов. Разбиение фразеологизма на части и дословное воспроизведение их средствами какого-либо другого языка невозможно в принципе, это будет всего лишь лишенный всякого смысла набор слов. Составитель толкового словаря русского языка С.И. Ожегов указывает, что приобретение единого смысла и несущественность синтаксической связи слов для значений целого и делают словосочетания фразеологической единицей, в которой «целостность значения господствует над синтаксической раздельностью» [5], а профессор А.А. Реформатский справедливо называет фразеологизмы «несвободными словосочетаниями» [4]. Возьмем, например, всем известный фразеологизм русского языка «Когда рак на горе свистнет». Здесь значения отдельных слов

«рак», «гора» и «свистеть» не выражают их суммарного, образного смысла – «момент времени, который никогда не наступит».

Наличие в языке идиоматических выражений придает речи колорит и особую выразительность. Идиомы (от греческого слова «idios» – своеобразный), то есть своеобразные выражения, неразрывно связаны с национальной культурой, менталитетом и образом жизни носителей языка, историей региона. Французский лингвист Морис Гросс [8] называет

«идиотизмами» (idiotismes)⁴ устойчивые словосочетания, которые невозможно перевести на другой язык пословно. Такие обороты (поговорки, поговорки) несут социокультурную нагрузку, они не только позволяют выразить смысл, но и передают уникальный характер языковой картины мира, присущей носителям данного конкретного языка.

Идиоматические выражения накапливаются в языке на протяжении столетий, какие-то из них забываются, время от времени рождаются новые, их количество постоянно растет. Идиомы используются как в литературе, так и в быту, периодически издаются сборники идиом. Начало коллекционированию фразеологических оборотов положил великий гуманист Средневековья Эразм Роттердамский, а знаменитый фламандский художник Питер Брейгель Старший даже написал картину под названием «Фламандские поговорки» (1559 г.), на которой он изобразил людей, реализующих буквальное значение фламандских идиом (всего на этой картине найдено и расшифровано 112 идиоматических выражений, таких, как, например,

«вооружиться до зубов», «стучаться головой о стену», «плыть против течения»). Множество фразеологических оборотов можно найти и в сатирическом романе французского писателя Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1533 г.).

В данной статье мы сосредоточим наше внимание лишь на тех идиоматических выражениях, в состав которых входят этнонимы (наименования национальностей) и топонимы (наименования географических объектов). Среди последних принято выделять ойконимы (названия населенных пунктов), урбанонимы (названия городов) и хоронимы (названия стран).

В принципе, в любом языке употребление названий стран, национальностей, регионов и населенных пунктов преследует двойную цель: объективную и субъективную. В первом случае использование этнонимов и топонимов не приводит к формированию идиоматических оборотов, а служит лишь для указания на происхождение того или иного явления или предмета, то есть описания его этнической или территориальной принадлежности. Говоря, например,

«берлинская лазурь» (краска светло-синего цвета), «немецкая овчарка», «персидский кот» (порода собак, кошек), мы всего лишь указываем на специфические особенности данной краски или данной породы животных. В словосочетаниях «швейцарский сыр» или «немецкая педантичность» прилагательное объективно указывает на географию происхождения продукта (сыр из Швейцарии) или типичную черту характера (немцы – известные педанты).

Употребленное таким образом прилагательное «английский», например, будет иметь конкретный, прямой смысл, а именно «относящийся к Англии и англичанам, свойственный, характерный для этой страны и этой нации, принадлежащий Англии и англичанам, созданный в Англии или англичанами».

В рамках данного небольшого исследования мы не будем рассматривать подобные случаи объективного использования этнонимов и топонимов, а постараемся проанализировать их субъективную функцию, обеспечивающую дополнительно возникающую коннотацию в составе того или иного идиоматического выражения. Так, «Иерихонская труба», к примеру, будет не просто трубой из библейского предания об осаде города Иерихон, от звука которой рухнули укрепленные городские стены, но и характеристикой издаваемого звука (очень громкий) или человеческого голоса (очень низкий). Такие дополнительные коннотации позволяют говорящему выразить свое собственное эмоционально окрашенное отношение к предмету речи, к описываемым явлениям или событиям, к поступкам и действиям других людей. Использование в речи нерасчленимых идиоматических выражений придает ей не только особую выразительность, но зачастую и лаконичное изящество.

Как отмечает Р.С. Гаманенко, идиоматические обороты присущи любому языку, они являются ярчайшим примером особенного, самобытного и неповторимого взгляда на окружающий мир и представляют собой «один из основополагающих компонентов специфической языковой картины мира, находящей свое выражение в национальном языке» [1]. Так, поляки, не понимающие смысла происходящего, говорят, что они «смотрят чешский фильм» (*czeski film*), а опечатку в набираемом на компьютере тексте называют «чешской ошибкой» (*czeski błąd*). Так же, как и русские, поляки характеризуют безупречность функционирования какого-либо механизма, сравнивая его со швейцарскими часами (*chodzić jak w szwajcarskim zegarku*). Так же, как и русские, поляки отмечают «английскую флегматичность» (*angielska flegma*). Однако такие случаи одинаковости образного мышления поляков и русских представляются скорее исключением, чем правилом. Поймем ли мы, воспользовавшись обычным словарем, что означают такие выражения, как «французская собачка» (*francuski piesek*, легкоранимый эмоциональный человек), «итальянская забастовка» (*strajk włoski*, замедленный ритм выполнения какого-либо задания), «голый как турецкий святой» (*goły jak święty turecki*, говорится о человеке без копейки денег в кармане), «притворяться греком» (*udawać greka*, притворяться неосведомленным).

Подобные примеры можно найти и в других языках. Обратимся к итальянскому языку. Здесь мы находим присущее, видимо, всем европейским языкам сравнение точности со швейцарскими часами (*puntuali come un orologio svizzero*, пунктуальные как швейцарские часы). Вместе с тем оборот «прикидываться португальцем» (*fare il portoghese*, ездить зайцем) вряд ли будет нам понятен. Если итальянец захочет сказать, что справедливость обязательно восторжествует, он сможет выразить это следующими словами – «*c'è un giudice a Berlino*» (всегда найдется судья в Берлине). А

выражение «курить как турок» (*fumare come turchi*) будет означать «дымить как паровоз».

Для испанцев притворяться не знающим, о чем идет речь, означает «изображать из себя шведа» (*hacerse el sueco*), пьянствовать – «пить как немец» (*beber como un tudesco*), а уйти не прощаясь – «уйти по-французски» (*despedirse a la francesa*). Португальцы сравнивают живущего в необычайной роскоши человека или с испанским грандом, или с французом (*à grande e à francesa*), а возможность найти компромиссное решение с возможностью «помирить греков и троянцев» (*agradar a gregos e troianos*). Так же, как и французы, смущаясь, португальцы «теряют свою латынь» (*perder o latin*) и знают, что неспособность хорошо говорить на языке Мольера и Гюго равнозначна умению «говорить по-французски как испанская корова» (*falar francês como una vaca espanhola*) [7].

В изобилии идиомы встречаются и в немецком языке. Сказать «Эй, старый швед!» (*Na, alter Schwede!*) это значит просто-напросто поприветствовать своего приятеля, а сравнить свою жизнь с жизнью Бога во Франции (*Wie Gott in Frankreich*) означает охарактеризовать свое существование самыми лестными словами. Растерянный и плохо ориентирующийся в ситуации немец скажет о том, что его окружает: «Для меня это просто богемские деревни» (*Das sind böhmisches Dörfer für mich*), а о чем-то непонятном – «это звучит как испанская речь» (*das kommt mir Spanisch vor*). Для немцев оказаться в тюрьме означает «оказаться за шведскими шторами» (*hinter schwedischen Gardinen*), а нахождение в трудном положении будет равносильно сравнению с тем, что происходит в настоящий момент в Голландии (*Dann ist Holland jetzt in Not*). Катастрофичность какой-либо ситуации оказывается сравнимой для немцев с «открытостью» Польши (*Dann ist Polen offen*), а манера расставаться без слов прощания с соответствующей привычкой тех же поляков (*einen polnischen Abgang machen*). Немецкоязычные австрийцы, которые без труда понимают и сами употребляют практически все идиомы жителей Германии, имеют и свои собственные, весьма забавные фразеологизмы. К примеру, крайнюю степень возмущения австрийцы сравнивают с необычайной раздражительностью хорватов. Выражение «Не зли меня!» можно выразить в Австрии словами

«Не делай из меня хорвата!» (*Moch mi net krawatisch!*). И в целом все неблагоприятное возможно сравнивать в этой стране с ситуацией на Балканах (*Wir sind ja nicht am Balkan!*) [11].

Как мы видим, в плане идиоматичности от языка к языку прослеживаются значительное разнообразие и самобытность. При этом важно подчеркнуть, что одна и та же идея может быть выражена в разных языках по-разному. Возьмем в качестве примера ситуацию, в которой кто-то уходит не попрощавшись, тайком. Русские и французы в этом случае скажут «Он ушел по-английски», англичане и испанцы – «Он ушел по-французски», а немцы – «Он ушел по-польски».

Вместе с тем, в области идиоматики в европейских языках существует и немало общего. В частности, значительный пласт фразеологизмов сформировался на основе библейских текстов, исторических фактов и произведений литературы. Как правило, здесь однотипные идиомы обнаруживаются в одинаковой или очень близкой синтаксической форме.

«Это Содом и Гоморра» (C'est Sodome et Gomorrhe, франц., It's a Regular Sodom, англ., Es ist ein wahres Sodom und Gomorra, немец.) в значении «это безнравственно, это распущенность, разврат», а также производные от названия города Содом – «содомия», («sodomie», франц., «sodomy», англ., «Sodomiterei», немец.).

«Филистер» (Philistin, франц., Philistine, англ., Philister, немец.) – человек с узкими, обывательскими взглядами.

«Добрый самаритянин» (jouer au bon Samaritain, франц., to be a good Samaritan, англ., den barmherzigen Samariter spielen, немец.) в значении «бескорыстный, добрый человек, способный на самопожертвование».

«Аркадский» (arcadien, франц., arcadian, англ., arcadish, немец.) в смысле

«идиллический, относящийся к Аркадии, счастливой мифической стране, жители которой, простые пастухи и пастушки, отличались патриархальной простотой нравов». Именно они изображены на знаменитой картине французского художника Николя Пуссена «Аркадские пастухи» (1655 г.): несколько пастухов и пастушек, заведомо счастливо и беззаботно живущих в благословенной Богом Аркадии, разглядывают могильное надгробье, на котором можно прочесть сказанные от лица смерти и ставшие афоризмом латинские слова – «Et in Arcadia ego [sum]» (Даже и здесь в Аркадии я [существую]).

«Аттический» (sel attique, франц., Attic salt, англ., attishes Salz, немец.) в значении «изысканный, утонченный; ироничная, утонченная манера выражения».

При этом связь топонима с созданным на его основе идиоматическим выражением не всегда очевидна и требует в некоторых случаях предварительного толкования, некоего промежуточного этапа, в ходе которого происходит осмысление сказанного. Например, во французском языке арготическое наименование пальцев руки «francfort» объясняется тем, что пальцы сравниваются с франкфуртскими сосисками (одним из типичных национальных блюд Германии). Или еще такой пример. Передача значения «зловонное дыхание» через идиоматический оборот «avoir les dents plombées au Gorgonzola» (зубы с пломбами из сыра Горгонзола) объясняется запахом этого сыра с плесенью. Французская идиома «morceau de Gruyère» (кусочек сыра Грюйер) описывает пораженное оспой лицо человека, которое сравнивается с сыром, имеющим дырочки и производимым в окрестностях городка Грюйер в Швейцарии. Или такой пример. Обиходное французское название фруктового салата, приготовляемого из нарезанных кусочками фруктов «la macédoine» (буквально – македонский) сформировалось путем сравнения этого блюда с состоявшей из множества мелких государств империей Александра Македонского.

Подводя итог всему вышесказанному, следует в первую очередь отметить, что анализ используемых национальными языками топонимов и этнонимов позволяет выявить специфические особенности национальной культуры и наличие в ней своеобразной культурологической оппозиции, построенной по принципу «свое – чужое», которая оказывается наглядным образом закрепленной в исторически сформировавшейся семантике фразеологических оборотов, содержащих в своем составе в качестве опорного компонента топонимы или этнонимы. Психологические особенности видения окружающего мира обуславливают возникающие в языке оценочные коннотации идиоматических выражений с

«культурно-маркированными», по меткому замечанию А.В. Уразметовой [6], топонимами и этнонимами, что приводит как к возникновению устойчивых стереотипов восприятия носителями языка чужой культуры и чужого образа жизни, так и к сохранению в языковом сознании межкультурных границ, незыблемость которых, в отличие от подвижности и условности границ геополитических, не подлежит сомнению.

Вместе с тем приведенные выше многочисленные примеры несовпадения структур идиоматических оборотов, используемых носителями разных языков, и невозможность их расчлененного понимания указывают на необходимость учета этой языковой особенности в процессе перевода для обеспечения полноценной межкультурной коммуникации и абсолютной адекватности переводимых с языка на язык текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаманенко Р.С. Трактовка понятий «идиома» и «идиоматичность» в отечественной и зарубежной лингвистической литературе // Сб. материалов юбилейной международной конференции, посвященной 200-летию Д.П. Ознобишина (14–15 мая 2004 г.), Т.2. – Инза-Самара: СГПУ – СНЦ РАН, 2004.
2. Золотова Л.М. К проблеме регулярности в сфере фразеологической номинации // Фразеологическая система немецкого и английского языков. М.: Лингвист, 2000.
3. Оганисян Н.С. Онимы в составе фразеологизмов русского языка. Исследовательская работа: Ереванский госуниверситет, Ереван, 2016.
4. Реформатский А.А. Введение в языкознание. Учебник для вузов. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 2004.
5. Реформатский А.А. Памяти Сергея Ивановича Ожегова (1900–1964) // Вопросы культуры речи. Вып.6. М., 1965.
6. Уразметова А.В. Лингвокультурологический аспект изучения топонимов в составе фразеологических единиц: на материале английского и французского языков, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата фил. наук., Уфа, 2006.
7. Dony De Y. *Léxico del lenguaje figurado*. Desclée de Brouwer, Buenos Aires, 1951.
8. Gross M. *Les expressions figées en français. Noms composés et autres locutions*. Ophrys, Paris, 1996.
9. Nikonov N. *Les stéréotypes à travers des expressions imagées avec des noms de nationalités*, Université Libre de Bourgos, Bulgarie, 2010.
10. Pégurier A. *Les noms de lieux en France. Glossaire de termes dialectaux*. IGN, Commission de toponymie, Paris, 2006.
11. Taylor R., Gottschalk W. *A German-English Dictionary of Idioms*, München, Hueber, 1960.
12. Van Hoof H. *Les noms de pays, de peuples et de lieux dans le langage imagé*. Volume 44, numéro 2, Les presses de l'Université de Montréal, juin 1999.